

НАСЛЕДИЕ КРЕМЛЁВСКИХ
ВОЖДЕЙ

**СЕРГО
БЕРИЯ**

**МОЙ ОТЕЦ
НАРКОМ
БЕРИЯ**

Наследие кремлевских вождей

Серго Берия

Мой отец – нарком Берия

«Алисторус»

2013

УДК 94
ББК 66.3(2Рос)8

Берия С. Л.

Мой отец – нарком Берия / С. Л. Берия — «Алисторус»,
2013 — (Наследие кремлевских вождей)

ISBN 978-5-4438-0519-1

Эта книга станет сенсацией. Впервые полный вариант воспоминаний сына Лаврентия Берия. Серго Берия – разведчик и ученый вспоминает не только отца и его окружение, но и детально рассказывает об эпохе, о войне, о том, чем была для него и его семьи великая и страшная сталинская эпоха. Кремлевская жизнь глазами того кто знал ее изнутри. Полная версия мемуаров также дополнена уникальными прижизненными интервью с Серго Лаврентьевичем в которых раскрываются многие тайны. Многие материалы ранее никогда не издавались в России и будут интересным всем интересующимся историей советского периода.

УДК 94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-4438-0519-1

© Берия С. Л., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Глава 1. Начало пути	6
Глава 2. Сталин и Берия	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Серго Лаврентьевич Берия

Мой отец – нарком Берия

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

Автор выражает глубокую признательность за помощь в работе над этой книгой Михаилу Сергеевичу Конюке и Виталию Евгеньевичу Безину.

Глава 1. Начало пути

Своего деда по отцу Павле я помню смутно. Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном.

В родной Мингрелии жизнь его не сложилась. В Абхазию он вынужден был перебраться из-за преследований жандармов. Насколько я знаю, связано это было с крестьянскими выступлениями. Горное село Мерхеули, хоть и находилось в Абхазии, было мингрельским. Видимо, этим и объяснялся выбор деда.

Достатка большого ни на старом месте, ни здесь, в забытой Богом деревушке, он так и не нажил. А ту малость, что имел, вынужден был оставить в Мингрелии. Здесь все пришлось начинать с нуля.

Бабушка, Марта Джакели, хотя и состояла в каком-то родстве с Дадияни, владельцем Мингрелии, тоже была очень бедной женщиной. Первый муж ее умер, и она, имея сына и дочь, вышла замуж за Павле. Тем и закончилась его холостяцкая жизнь. Знаю по рассказам самой бабушки Марты, что покорила ее крестьянин Павле храбростью и красотой. Сама она прекрасно шила и всю жизнь подрабатывала портняжным ремеслом, внося какой-то достаток в дом. И Павле такой же с юности был – ни минуты свободной. Так и сошлись.

У Павле и Марты было трое детей, но судьба всех троих сложилась трагично. Один мальчик прожил всего два года и, заболев оспой, умер. Осталась глухонемой после перенесенного заболевания Анна. Вся надежда оставалась на Лаврентия. Павле и Марта очень хотели, чтобы их сын получил образование. Моему отцу исполнилось семь лет, когда дед решил отправить его на учебу в Сухумское высшее начальное училище. Существовало в те времена такое учебное заведение с непривычным ныне названием. Такие училища еще называли реальными. В гимназию отца бы не приняли, а в таких учебных заведениях как раз и учился народ победнее. Правда, для осуществления своей заветной мечты дед Павле вынужден был продать полдома – лишних денег в семье ни тогда, ни позднее не было.

Некоторых из учителей отца, а это были люди удивительные, учительствовавшие действительно по призванию, я много лет спустя встречал в Грузии. Много интересного рассказывали они мне о детстве отца, да и сам он всегда с теплотой отзывался о них, прекрасно понимая, чем обязан своим первым педагогам.

В 15 лет, окончив Сухумское училище с отличием, отец решил учиться дальше. Пришлось деду Павле и вторую половину дома продать и перебраться с семьей в хибару из дранки. А отец отправился в Баку, в механико-строительное техническое училище.

Уже став зампредом Грузинской ЧК, отец, конечно же, помогал родителям, но жили они по-прежнему бедно. Сколько отец ни просил их перебраться в Тбилиси и жить с нами, дедушка Павле был непреклонен: «Нечего мне в вашем городе делать». Он действительно не мыслил своей жизни без тяжелого крестьянского труда, любил простор. Постоянно сокрушался: «Почему Серго на целый год ко мне отпустить не хотите? Я из него человека сделаю!». Мама, естественно, была против.

Когда узнали, что дедушка Павле простудился и слег, мама тут же поехала в Мерхеули, это недалеко от Сухуми. Дед и умер у нее на руках. А вот отец не успел его живым застать...

Мама моя, Нина Теймуразовна, моложе отца на шесть лет – она родилась в 1905 году. Отец ее, Теймураз Гегечкори, – выходец из дворянского рода. Мать, моя бабушка Дарико Чиковани, Дарья, – княжеского происхождения. И у нее, и у деда это был второй брак. У Теймураза Гегечкори в один день скончались от тифа жена и два сына, у бабушки Дарико после гибели первого мужа остались трое детей. Дед долго не женился после смерти первой жены, с Дарико у него был единственный ребенок – моя мать.

Как и бабушка, дед был очень образованным человеком, участвовал в национальном движении и во время одного из антицарских крестьянских выступлений получил семь пуль. Семидесятилетнему старику перебили обе ноги, через год он умер. Человек, стрелявший в деда, царский жандарм, был из местных, мингрел. В деревне этой он продолжал жить и когда мой отец руководил Грузинской ЧК, Закавказским и Грузинским ГПУ, был первым секретарем ЦК партии Грузии и умер своей смертью. В какой-то степени, думаю, это характеризует нашу семью. Никто и никогда у нас никому не мстил.

Мама окончила сельскую школу в мингрельской деревне, затем гимназию. Воспитывалась она в семье дяди Саши Гегечкори. Тот был большевиком. На его конспиративную квартиру и приходил мой отец, они и познакомились с мамой благодаря Саше Гегечкори.

Второй ее дядя – Евгений Гегечкори – стал у меньшевиков министром иностранных дел. Такие разные судьбы...

Уже при Советской власти родители уехали в Баку, позднее – в Тбилиси. Мама окончила сельскохозяйственный институт, аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию и после перевода отца в Москву работала в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

В 1953 году обеих моих бабушек – одной в то время было 84 года, другой 81, – в одночасье вышвырнули из квартир и отправили в дом престарелых в сотне километров от Тбилиси. Никому из родственников взять старушек к себе власти не разрешили. Когда, оказавшись после тюрьмы в Свердловске, мы с мамой получили относительную свободу, ей все же удалось нелегально съездить в Грузию. К тому времени бабушки Дарико уже не было в живых – она умерла за четыре месяца до приезда мамы.

Бабушка Марта была уже совершенно слепой, но когда мама вошла в комнату, та взяла ее за руку и тут же определила: «Нино...»

Два месяца безуспешно добивались мы разрешения забрать ее в Свердловск, но не успели...

Мне до сих пор трудно понять, какую цель преследовали власти, расправляясь со всеми родственниками Берия. Что дала, скажем, изоляция этих старушек? Неужели власти видели и в них угрозу государству?

Нас с мамой тогда утешало одно: бабушка Марта хотя бы дожила до того дня, когда узнала, что мы живы. До этого она о нас, разумеется, ничего не знала, да и мы о том, как сложились судьбы наших близких, узнали лишь в Свердловске.

И о моем отце, и о нашей семье за последние сорок лет неправды написано много. Прожив 87 лет, мама, любившая отца всю жизнь, умерла с твердым убеждением, что все эти домыслы, откровенные сплетни понадобились партийной верхушке – а это от нее исходила ложь об отце – лишь для того, чтобы очернить его после трагической гибели.

Кому не знакома, скажем, легенда о похищенной Лаврентием Берия своей красавицы-невесты. В одной из «биографических» книг, изданных на Западе, но хорошо известной и у нас, автор утверждает, что в конце 20-х годов мой отец приехал в Абхазию в собственном роскошном поезде с какой-то проверкой хозяйственных дел в республике и повстречал здесь мою будущую мать. Девушка ему понравилась, и он ее похитил. Сегодня эта «байка» кочует из одной публикации в другую, и никто почему-то не задумывается над фактами. А ведь стоит, наверное.

Тогда, в конце 20-х, я уже собирался в первый класс одной из школ моего родного Тбилиси. А познакомились мои родители, как я уже говорил, гораздо раньше. Отец сидел в одной камере Кутаисской тюрьмы вместе с Сашей Гегечкори. Моя мама навещала дядю. Так и познакомились. Достаточно сопоставить некоторые факты, даты, и версия похищения рассыплется, как карточный домик, но этого почему-то не делают. Я уже не говорю о том, что никакого специального поезда молодой чекист Лаврентий Берия и в глаза не видел – не тот уровень.

Я еще вернусь к воспоминаниям о нашей семье, а пока хотел бы немного рассказать об отце. Родился он 17 (30) марта 1899 года. Мечтал об архитектуре и сам был хорошим художником. Вспоминаю одну историю, связанную уже с моим детством. Верующим человеком я так и не стал, хотя с глубоким уважением отношусь к религии. А тогда, мальчишкой, я был воинствующим безбожником и однажды разбил икону. Смешно, разумеется, говорить о каких-то убеждениях, скорее всего это стало результатом воспитания, полученного в школе. Словом, бабушка Марта была очень огорчена. Она была верующая и до конца жизни помогала и церкви и прихожанам.

Возвратившись с работы, отец остудил мой атеистический пыл и... нарисовал новую икону. Тот разговор я запомнил надолго. «К чужим убеждениям надо относиться с уважением».

Человеком он был разносторонне одаренным. Рисовал карандашом, акварелью, маслом. Очень любил и понимал музыку. В одном из остросюжетных политических боевиков, изданных на Западе, идет речь о Берия как о «единственном советском руководителе, позволявшем себе наслаждаться роскошью по западному образцу». Вспоминают «паккард», полученный якобы через советское посольство в Вашингтоне, роскошную подмосковную дачу, принадлежавшую в свое время графу Орлову, мраморную дачу в Сочи, теннисные корты, бильярдные, тир для стрельбы, крытый бассейн, скоростные катера. Утверждают даже, что костюмы для отца шились в Риме и Лондоне, что он обладал одной из лучших в стране коллекций пластинок, пил французский коньяк и читал лишь поэтов-романтиков прошлого...

Что тут можно сказать... Какое-то нагромождение домыслов. Мама часто покупала пластинки Апрелевского завода с записями классической музыки и вместе с отцом с удовольствием их слушала. А вот поэзию, насколько помню, отец не читал. Он любил историческую литературу, постоянно интересовался работами экономистов. Это ему было ближе.

Не курил. Коньяк, водку ненавидел. Когда садились за стол, бутылка вина, правда, стояла. Отец пил только хорошее грузинское вино и только в умеренных, как принято говорить, дозах. Пьяным я его никогда не видел. А эти рассказы о беспробудном пьянстве...

Костюмы из Лондона, Рима и еще откуда – это и вовсе смешно. Обратите внимание: на всех снимках отец запечатлен в на редкость мешковатых костюмах. Шил их портной по фамилии Фурман. О других мне слышать не приходилось. По-моему, отец просто не обращал внимания на такие вещи. Характер жизни был совершенно иной, нежели сегодня. Назовите это ханжеством, как хотите, но жить в роскоши у руководителей государства тогда не было принято. В нашей семье, по крайней мере, стремления к роскоши не было никогда.

Дача, во всяком случае, была одна, современной постройки, и к графу Орлову, конечно же, ни малейшего касательства иметь не могла. Да и не отцу она принадлежала, а государству. Пять небольших комнат, включая столовую, в одной действительно стоял бильярд. Вот и все.

Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его называли еще Домом политкаторжанина. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК. Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: «Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!». Мама не захотела. «Ладно, – сказал Сталин, – как хотите. Тогда распоряжусь, пусть какой-то особняк подберут».

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнат. Сталин приехал, осмотрел и говорит: «Я в ссылке лучше жил». И нас переселили на дачу по соседству с Кагановичем, Орджоникидзе. Кротов и бассейнов ни у кого там не было. Запомнилась лишь дача маршала Конева. Он привез из Германии и развел у себя павлинов.

А «паккард» действительно был, как у всех членов Политбюро. Закупили их тогда, кажется, десятка полтора. Один из них выделили отцу, но в отличие от Сталина, Молотова,

Ворошилова и других отец на нем не ездил. Это была бронированная машина. Отец же пользовался обычной.

Говорю это не к тому, что руководители государства не имели каких-то льгот. Мать, как и другие жены членов Политбюро, в магазин могла не ходить. Существовала специальная служба. Например, комендант получал заказ, брал деньги и привозил все, что было необходимо той или иной семье. А излишества просто не позволялись, даже появившись у кого-то из сталинского окружения такое желание. Лишь один пример: вторых брюк у меня не было. Первую шубу в своей жизни мама получила в подарок от меня, когда я получил Государственную премию. И дело не в том, разумеется, что отец с матерью были бедные люди. Конечно же, нет. Просто в те годы, повторяю, не принято было жить в роскоши. Сталин ведь сам был аскет. Никаких излишеств! Естественно, это сказывалось и на его окружении.

Он никогда не предупреждал о своих приходах. Сам любил простую пищу и смотрел, как живут другие. Пышных застолий ни у нас, ни на дачах Сталина, о которых столько написано, я никогда не видел. Ни коньяка, ни водки. Но всегда хорошее грузинское вино. Это потом уже руководители страны почувствовали вкус к роскоши. А тогда... Вспоминаю довольно типичную историю с наркомом путей сообщения Ковалевым. Однажды он подарил жене в день рождения бриллиантки. Сейчас школьницы такие носят. Тут же донесли Сталину. Бедолагу без всяких объяснений выгнали из партии и с работы. Отец потом помогал ему устроиться... Правильно это или нет, судить не берусь. Может, и ни к чему был такой аскетизм, но – было.

Не раз встречал в прессе такие «факты»: якобы при обыске в нашем доме были найдены сотни тысяч рублей, драгоценности, сорок стволов оружия... Все эти абсурдные вещи не стоят комментариев. Скажем, в Тбилиси жил портной Саша, уж и фамилии его не помню. Как-то он приехал в Москву, и мама заказала у него платье. На следствии ей припомнили и этот случай: «Использование наемного труда!»

Обвинили даже в том, что мама привезла из Нечерноземья ведро краснозема, используя государственный транспорт – самолет. Мама тогда действительно занималась исследованием почв, работая в сельхозакадемии.

Глупость на глупости. Утверждали, что она разъезжала на лошадях с золотыми колокольчиками. На самом деле мама действительно любила лошадей и ходила в манеж. Золотые колокольчики, естественно, очередная выдумка.

Пройдет время, и все эти «обвинения» будут растиражированы и пойдут гулять по свету, обрастая новыми легендами. Как, скажем, эта: якобы у отца была своя элитная преторианская гвардия из 200 грузин. Если верить тем же западным источникам, «охрана любила Берия, как своего племенного вождя». И это сказки, но подтекст совершенно ясен: два грузина оккупировали Россию и бесчинствовали в ней. Охрана, естественно, тоже из грузин, сотрудники НКВД – тоже грузины... Правда лишь в том, что личная охрана действительно любила отца. И он к ним очень хорошо относился. Было этих ребят человек 10–12, не больше. Да и работали они не в одну смену. Больше трех я никогда не видел. Обычно за его машиной шла еще одна машина сопровождения. Вот и вся охрана. Да еще у ворот дачи дежурный находился, но военным он не был. И еще одна любопытная деталь: в личной охране отца был один грузин и один армянин – Саркисов. Остальные – русские и украинцы.

Как ни странно, но и саму биографию отца умудрились переписать до неузнаваемости. Если верить некоторым публикациям, то он стал одним из руководителей государства едва ли не в начале 30-х. Разумеется, это не так. Он довольно рано пришел в революционное движение, еще в училище организовал нелегальный марксистский кружок.

В июне 1917 года в качестве техника-практиканта армейской гидротехнической школы его направляют на Румынский фронт. А дальше – революция. Работал в подполье, был арестован, снова подполье, и снова арест...

После революции жизнь его сложилась совершенно иначе, чем он планировал. Не став архитектором, как мечтал, отец увлекся нефтеразведкой. Его даже собирались отправить на учебу в Бельгию, о чем он не раз впоследствии вспоминал. Но и здесь не сложилось. С 1921 года отец работает заместителем начальника секретно-оперативной части АзЧК, затем становится начальником секретно-оперативной части, позднее – заместителем председателя Грузинской ЧК. До этого – непродолжительная работа в ЦК КП(б) Азербайджана, учеба в Бакинском политехническом институте.

Сохранились документы, связанные с работой отца в Азербайджане, датированные 1923 годом.

Из характеристики Л. П. Берия:

«...обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... Он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней работой... Следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве».

Характеристика подписана секретарем ЦК Ахундовым. Столь же высоко ценят молодого энергичного чекиста, направленного в ЧК партией большевиков, его непосредственные руководители. Отец явно с благословения Дзержинского становится кавалером ордена Боевого Красного Знамени, награждается именным оружием – пистолетом «Браунинг», часами с монограммой. В 32 года он уже председатель Закавказского, Грузинского ГНУ, полномочный представитель ОГПУ в Закавказье. Впереди – высокий пост первого секретаря ЦК партии Грузии, руководителя партийной организации Закавказья, перевод в Москву... Блестящая карьера? Безусловно. Но где ее истоки? В благосклонном отношении Сталина, как об этом нередко пишут? Отнюдь, в те годы они просто-напросто не были знакомы. Тогда где?

Как правило, путь был один. Вспомните карьеру Маленкова хотя бы. Как и многие другие, он сделал ее в Орготделе ЦК. Не исключение и Хрущев. В поле зрения Сталина и партийной верхушки он оказался, когда громил троцкистскую оппозицию. Доносы, интриги – все это было абсолютно типично для того времени. Биография отца – имею в виду подлинную его биографию, основанную на реальных фактах, а не домыслах, – резко отличалась от большинства других. Его довольно быстрое, даже по тем временам, продвижение по служебной лестнице связано в первую очередь с его позицией, занятой в 1924 году по отношению к меньшевистскому восстанию в Грузии. Именно тогда на него обратили внимание в Политбюро.

А произошло вот что. В 1924 году отец, заместитель начальника Грузинской ЧК, узнает, причем заблаговременно, о том, что готовится меньшевистское восстание. Учитывая масштаб будущих выступлений, отец предлагает любыми политическими мерами предотвратить кровопролитие. Орджоникидзе, в свою очередь, передает его информацию в Москву. Ситуация тревожная: разведке достоверно известно, что разработан полный план восстания, готовятся отряды, создаются арсеналы. Выступления вспыхнут по всей республике, и пусть они в действительности не будут носить характера всенародного восстания, но выглядеть это будет именно так.

Отец понимал, что эта авантюра изначально обречена на провал, на большие человеческие жертвы. Необходимы были энергичные меры, которые позволили бы предотвратить кровопролитие. И тогда он предложил пойти на такой шаг – допустить утечку полученной информации. Его предложение сводилось к тому, чтобы сами меньшевистские руководители узнали из достоверных источников: Грузинская ЧК располагает полной информацией о готовящемся восстании, а следовательно, надеяться на успех бессмысленно. Орджоникидзе, видимо, получив согласие Москвы, не возражал: в той непростой обстановке это было единственно верным

решением. Но меньшевики этой информации не поверили и расценили ее всего лишь как провокацию. Видимо, пересилила вера в заверения Франции и Англии. Вы, мол, начните, а мы поддержим...

В дальнейшем события развивались так. В Грузию был направлен один из лидеров меньшевистского движения, руководитель национальной гвардии Джугели. О его переброске отец узнал заблаговременно от своих разведчиков и, разумеется, принял меры: Валико Джугели был взят под наблюдение с момента перехода границы. Но всего лишь под наблюдение – арестовывать одного из влиятельных лидеров меньшевиков не спешили. Само пребывание Джугели в Грузии решено было использовать для дела. По своим каналам отец предупредил Джугели, что для Грузинской ЧК его переход границы не секрет и ему предоставлена возможность самому убедиться, что восстание обречено на провал.

К сожалению, и эта информация была расценена как провокация чекистов. Джугели решил, что ГрузЧК просто боится массовых выступлений в республике и неспособна их предотвратить, поэтому пытается любыми средствами убедить меньшевистское руководство в обратном.

Джугели все же был арестован, но из-за досадной случайности – его опознал на улице кто-то из старых знакомых, и его официально задержали. Уже в тюрьме Джугели ознакомили с материалами, которыми располагала разведка ГрузЧК, и он написал письмо, в котором убеждал соратников отказаться от выступления. Ни за границей, ни в самой Грузии к нему не прислушались. Восстание меньшевики все же организовали, но, как и следовало ожидать, армия его подавила, а народ понес бессмысленные жертвы, которых вполне можно было избежать. Если бы Орджоникидзе вмешался, кровопролития еще можно было не допустить, потому что в первые же часы все руководители восстания были арестованы, склады с оружием захвачены. По сути, армия громила неуправляемых и безоружных людей...

Но как бы там ни было, отца, сделавшего все, чтобы избежать кровопролития, запомнили. К слову, и в дальнейшем он всегда выступал лишь за политические решения любых вопросов, отвергая подход с позиции силы. У читателя еще будет возможность не раз в этом убедиться.

Он по своей натуре был аналитиком и никогда не спешил с выводами, основываясь лишь на собственном эмоциональном восприятии тех или иных событий. Для политика это вещь, считал он, абсолютно недопустимая. Вне всяких сомнений, наложила свой отпечаток на его характер многолетняя работа в разведке. Любой его вывод основывался на глубоко проработанном конкретном материале. Сужу даже по тому, как он формировал меня как личность, как приучал к систематическому труду, работе над материалами, сопоставлению фактов, прогнозированию.

Сказалась, очевидно, и его давняя тяга к технике. Даже если не имеешь непосредственного отношения к каким-то расчетам, само занятие ею требует аналитического склада ума. Я не раз наблюдал, как ответственные решения, связанные, например, с новым оружием, он принимал за каких-то 15 минут. Но это чисто внешнее восприятие. Я-то прекрасно знал, что за этим стоит. Такому решению предшествовала колоссальная работа. И речь не только о многочасовых совещаниях, консультациях со специалистами, но и о самостоятельной работе над материалами. Так было, помню, когда решалась судьба ядерного проекта, проектов баллистических ракет, систем ПВО и других.

А еще это был очень целеустремленный, настойчивый человек. Если он брался за какую-то работу, то всегда доводил начатое до конца. Не чурался черновой работы, изнуряющих поездок.

Сколько я его помню, никогда не изменял выработанным еще в юности привычкам. Вставал не позднее шести утра. После зарядки минимум три часа работал с материалами. Возвратившись с работы, ужинал и вновь шел в свой кабинет. А это еще два-три часа работы. Исключением становились лишь дни, когда затягивались какие-то важные заседания.

Еще, разумеется, необыкновенное трудолюбие. Вот, пожалуй, слагаемые тех практических результатов, которых он достигал. В отличие от других членов Политбюро, занимавшихся, что скрывать, чистой демагогией да извечными «кадровыми» вопросами, ему ведь всегда поручалось конкретное дело. Допускаю, что и в партийной работе надо было иметь дело с людьми, заниматься какими-то организаторскими вопросами, но, по моему глубокому убеждению, претила она отцу именно тем, что не давала, да и не могла дать конкретного результата, а следовательно, и морального удовлетворения от сделанного. Когда отца в начале тридцатых направили из разведки на партийную работу, своего недовольства он не скрывал. Но и там, как человек деятельный, он нашел себе дело. Строго говоря, в общепринятом смысле партийной работой он и не занимался, отдав ее на откуп аппарату. Сам же в течение тех нескольких лет, используя права главы республики, поднимал народное хозяйство Грузии. Позднее он и сам не раз подчеркивал, что не дело партии подменять хозяйственные органы, но тогда, в тридцатые, видимо, иначе просто было нельзя. Тот же первый секретарь ЦК партии республики, если он, конечно, не был по натуре аппаратчиком, мог немало сделать и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в строительстве. Должность первого секретаря ЦК позволяла отцу активно вмешиваться в хозяйственные проблемы и решать их на самом высоком уровне, чего, скажем, при всем желании не могли сделать сами хозяйственные руководители.

К сожалению, в дальнейшем партийные органы превратились всего лишь в контролирующие органы, далекие от решения практических задач.

Наверное, это странно звучит, но мой отец был очень мягким человеком. Странно, потому что за последние сорок лет столько написано о допросах, которые он якобы проводил в подвалах Лубянки, о его нетерпимости к чужому мнению, о грубости. Все это, заявляю откровенно, беспардонная ложь. Это по его настоянию – в архивах есть его записка в Политбюро и ЦК по этому поводу – был наложен запрет на любое насилие над обвиняемыми. Это он сделал все, чтобы остановить колесо репрессий, очистить органы государственной безопасности от скомпрометировавших себя активным участием в массовых репрессиях работников. Впрочем, это тема отдельного разговора, от которого я ни в коей мере не собираюсь уходить. Пока скажу лишь одно: не был мой отец тем страшным человеком, каким пытались его представить в глазах народа тогдашние вожди. Не был и не мог быть, потому что всегда отвергал любое насилие. Даже когда говорят, что отец, став наркомом внутренних дел, разогнал «органы», повинные в злодеяниях 30-х годов, это не так. Ушли, вынуждены были уйти и понести ответственность лишь те следователи, сотрудники лагерной охраны, кто нарушал закон. Этого отец не прощал ни тогда, ни позднее. А тысячи и тысячи честных работников продолжали бороться с уголовной преступностью, как и прежде, работали в разведке и контрразведке. Насколько известно, приход нового наркома внутренних дел связан и с самой реорганизацией карательных органов, и с массовым освобождением из тюрем и лагерей сотен тысяч ни в чем не повинных людей.

Сегодня мало кто знает, что наркомом внутренних дел отец был назначен в конце ноября 1938 года. Люди старшего поколения хорошо помнят, когда прекратились в СССР массовые репрессии. Достаточно сопоставить факты. После 1942 года – и это известно – он уже не имел никакого отношения к органам государственной безопасности. Тогда, в войну, отца сменил на этой должности Всеволод Меркулов, а после войны органами безопасности руководили Абакумов, Игнатьев. И все же, когда речь заходит о всех послевоенных преступлениях Системы, об этом предпочитают не вспоминать. То и дело встречаешь в различных источниках: министр внутренних дел Л. П. Берия. А все дело в том, что в марте 1953 года мой отец действительно возглавил МВД СССР. Правда, проработать ему там довелось всего лишь три месяца. Полагая, читателям этой книги небезынтересно будет узнать и об этой странице жизни моего отца. Пока скажу лишь, что никакого желания идти на эту должность у отца не было. К сожалению, в своих напумевших мемуарах Никита Сергеевич Хрущев не написал, как в течение нескольких дней просидел у нас на даче, уговаривая отца после смерти Сталина: «Ты должен согла-

ситься и принять МВД. Надо наводить там порядок!». Отец отказывался, мотивируя это тем, что чрезмерно загружен оборонными вопросами. Но Политбюро все же сумело настоять на своем. Аргументы оппонентов отца были не менее вескими: он в свое время немало сделал для восстановления законности в правоохранительных органах, а сейчас ситуация такая же и требует вмешательства компетентного человека. Отец был вынужден согласиться.

Думаю, это все делалось с дальним прицелом – списать в будущем все грехи на нового главу карательного ведомства. Надо ведь было как-то объяснять народу и довоенные репрессии, и последующие преступления Системы. А отец, как признавался впоследствии сам Хрущев, действительно оказался удобной фигурой. Как ни странно, элементарного смещения дат оказалось достаточно для того, чтобы полностью извратить факты. Ну, кто, скажите, помнит сегодня, особенно из людей молодых, кто и когда возглавлял НКВД?

Многие историки, например, недвусмысленно намекают на причастность моего отца к смерти Серго Орджоникидзе, убийству Сергея Мироновича Кирова. Говорит об этом и Светлана Аллилуева: «И лето 1934 года прошло так же – Киров был с нами в Сочи. А в декабре последовал выстрел Николаева. ... Не лучше ли и не логичнее ли связать этот выстрел с именем Берия, а не с именем моего отца, как это теперь делают? В причастность отца к этой гибели я не поверю никогда... Был еще один старый друг нашего дома, которого мы потеряли в 1936 году, – я думаю, не без интриг и подлостей Берия. Я говорю о Георгии Константиновиче (Серго) Орджоникидзе». Уверен, что подобных обвинений читатель встречал немало. Но кто знает, как дороги были всю жизнь и моему отцу, и всей нашей семье эти два человека. Серго Орджоникидзе – мой крестный отец... Меня ведь и называли в честь Серго. Когда родители приезжали из Тбилиси в Москву, непременно останавливались в его доме, да и Серго часто бывал у нас, когда приезжал по делам или на отдых в Грузию. Такие были отношения.

А Сергей Миронович Киров дважды вытаскивал отца из меньшевистской тюрьмы. Когда убили Кирова, отец работал в Грузии, но позднее рассказывал, что никакого заговора, как писали газеты, не было. Убийца – одиночка. Уже возглавив НКВД, отец, разумеется, возвратился к этой трагической истории и попытался восстановить детали случившегося, но каких-либо документов, позволяющих трактовать смерть Сергея Мироновича иначе, не нашел. Не было их, естественно, и у тех, кто впоследствии обвинил в организации этого убийства Сталина. Тем не менее, и эта версия оказалась живучей. Впрочем, удивляться не стоит. Написала же Светлана Аллилуева, что во время гражданской войны на Кавказе «Берия был арестован красными и Киров приказал расстрелять предателя»... А как отнестись к утверждениям, что Берия был агентом муссаватистской разведки? Это обвинение в адрес отца прозвучало даже на Пленуме ЦК, где отца после его трагической гибели исключили из партии. А ведь то, что отец по заданию партии большевиков работал в контрразведке в Баку, никогда не скрывалось. Именно там начинал он свой путь в разведке. Лучше других знал об этом Анастас Микоян, работавший там же по тому же заданию.

На Пленуме ЦК просто перекрутили общеизвестные факты. Сам Микоян мне впоследствии говорил, что выступал в защиту отца и рассказал все, что знает. К сожалению, и это оказалось неправдой.

У правящей верхушки не было никогда и не могло быть каких-либо доказательств вины отца, а скомпрометировать его в глазах народа было крайне необходимо – разрушалась легенда... Прочитав эту книгу, читатель, надеюсь, сам придет к каким-то выводам. Мой же рассказ об отце – лишь штрихи к портрету человека, который честно делал свое дело, был настоящим гражданином, хорошим сыном и хорошим отцом, любящим мужем и верным другом. Я, как и люди, знавшие его многие годы, никогда не мог смириться с утверждениями официальной пропаганды о моем отце, хотя и понимал, что ждать другого от Системы, в основе которой ложь, – по меньшей мере наивно...

Когда я говорю об отце, всплывают в памяти давно забытые картины детства. Скажем, я с детства интересовался техникой, и отец это всячески поощрял. Ему очень хотелось, чтобы я поступил в технический вуз и стал инженером. Довольно характерный пример. Понятное дело, ему ничего не стоило даже тогда разрешить мне кататься на машине. Как бы не так... Хочешь кататься – иди в гараж, там есть старенькие машины. Соберешь – тогда гоняй. Старенький «фордик» я, конечно, с помощью опытных механиков собрал, но дело не в этом. Отец с детства приучал меня к работе, за что я ему благодарен и по сей день.

Принесет стопку иностранных журналов и просит сделать перевод каких-то статей или обзор тех или иных материалов. Теперь-то я понимаю: если бы дело было серьезным, неужели не поручил бы такую работу профессиональным переводчикам? Просто заставлял таким «хитрым» образом трудиться. И отец, и мать моему воспитанию уделяли много внимания, хотя свободного времени у обоих было, понятно, маловато. Заставляли серьезно заниматься языками, музыкой, собственным примером приобщали к спорту.

Еще в школе я выучил немецкий, английский, позднее – французский, датский, голландский. Немного читаю по-японски. Стоит ли говорить, как это пригодилось мне в жизни...

Вспоминаю наши лыжные походы в Подмоскowie, прогулки по лесу. Отец очень любил активный отдых и умел отдыхать. Помню, недели две вдвоем с ним занимались мы оборудованием спортивной площадки. И каток небольшой нашли, с тем, чтобы уплотнить землю, и сетку волейбольную купили. Оба были очень довольны.

Когда уезжали в отпуск на юг, а мы всегда проводили отпуска вместе, позднее они отдыхали с мамой всегда вдвоем, он любил ходить в горы. Хорошо плавал, ходил на байдарке или на веслах. Здесь уже постоянной спутницей была мама.

Вместе с мамой посещал манеж – к верховой езде был приучен с детства и, чувствовалось, в молодости был неплохим наездником.

Ну а о том, как отец любил футбол, ходят легенды. Утверждают даже, что в молодости Берия был чуть ли не профессиональным футболистом. Это преувеличение, конечно, хотя, как и волейбол, футбол он очень любил и, наверное, играл неплохо.

Когда создавалось спортивное общество «Динамо», его основной задачей было приобщение сотрудников к физической культуре, спорту. Тон здесь должны были задавать руководители. Так что любовь отца к спорту стала носить и показательный характер. Молодым чекистам было неудобно отставать от начальства...

Как и все мы, отец был непритворлив в еде. Быт высшего эшелона, разумеется, отличался от того, который был присущ миллионам людей. Была охрана, существовали определенные льготы, правда, абсолютно не те, которыми партийная номенклатура облагодетельствовала себя впоследствии... Приходила девушка, помогавшая в уборке квартиры, на кухне. Был повар, очень молодой симпатичный человек, и, если не ошибаюсь, он даже имел соответствующую подготовку – окончил нечто наподобие знаменитого хазановского кулинарного техникума. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного мастерства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно. Собирались ученые, художники, писатели, военные, навещали близкие из Грузии, друзья. Словом, все, как у всех.

На правах члена семьи многие годы, а точнее, до самой смерти отца, жила в нашем доме замечательная женщина Элла Эммануиловна Альмедингер. Учительница, немка по национальности. Мы, и оказавшись в ссылке, не теряли с ней связь.

Когда началась война, всех немцев начали переселять, а наша немка никуда не собирается. Кто-то доложил Сталину, что, мол, в доме Берия проживает немка и тому подобное. Как-

то приезжает Сталин (а у нас заведено было обедать всем вместе), и прелюбопытнейшая вышла картина. Сидят за одним столом Иосиф Виссарионович и Элла Эммануиловна. Сталин и спрашивает:

– Так это вы и есть тот самый представитель Гитлера? Странно, никогда не думал, что вы немка.

А Элла Эммануиловна онемела: чем-то обернется для нее этот визит. Обошлось. Сталин рассмеялся, тут же начал вспоминать Австрию, тем дело и закончилось. А к самому факту депортации отец относился крайне негативно, но, как это часто бывало, последнее слово, разумеется, оставалось не за ним.

Я еще расскажу подробно об участии отца как члена Государственного Комитета Обороны в организации отпора врагу на Кавказе. Вспомнил об этой странице жизни отца я вот почему. В обороне Кавказа участвовали и местные жители. На горных перевалах насмерть стояли и ингуши, и осетины, и чеченцы. Я это видел своими глазами. Отец тоже с глубоким уважением относился к этим людям, встречался со старейшинами, деятелями духовенства.

К сожалению, решение Политбюро было принято, и этих людей выселили. Подлость, безусловно. Но приказ был отдан, и внутренние войска заставили эту подлость сделать.

А началось с того, что группа людей – не народ! – подарила Гитлеру коня и бурку. Да мало ли кто встречал оккупантов хлебом-солью и на Украине, и в Белоруссии, и в России. И кто только не сотрудничал с немцами! Предателей хватало, к сожалению, везде. А Сталину преподнесли это как измену народа. Тот разбираться не стал: «Сослать всех!»

И с крымскими татарами, к сожалению, так получилось. Вспоминаю анекдотический случай. Мой друг, летчик-испытатель Амет-Хан Султан как дважды Герой Советского Союза имел на родине собственный бюст. Любопытная штука получилась. Крымские татары из Крыма выселены, а бюст поставлен крымскому татарину. Неудобно, говорит, что единственный татарин в Крыму в таком виде... Давай моего бронзового двойника уберем. Тебе-то, скорей всего, за такое хулиганство ничего не будет. А мы в то время на полигоне под Керчью работали. Всю ночь промучились, но бюст убрали...

Вышло так, что я вынужден был оставить отцовский дом в 16 лет. Война перечеркнула точно так же мои планы, связанные с учебой в университете, как и большинства моих сверстников. Я ушел в разведшколу. Затем фронт, годы учебы в Ленинградской военной электротехнической академии. А когда возвратился в Москву, даже женившись, жил с родителями. Настоял на этом отец. Вся его жизнь проходила на наших глазах. Допускаю, что можно скрыть какой-то отдельный случай, но образ жизни, как ни крути, не скроешь. И не только от близких. Такие люди всегда в центре внимания, хотя бы они того или нет.

Вот уже несколько десятилетий имя Берия ассоциируется у миллионов людей и с массовыми репрессиями 30-х – 50-х годов, и с сотнями женщин, якобы ставших жертвами любовного члена Политбюро. На первый взгляд, все выглядит довольно правдоподобно. Не секрет ведь, что известные человеческие слабости были присущи большинству советских вождей – от Владимира Ильича до Леонида Ильича. Но почему все-таки ЦК, официальная пропаганда явно культивировали всенародный интерес именно к «постельным утехам» отца, создавая отталкивающий образ такого сексуального монстра? Люди старшего поколения прекрасно помнят, что при жизни никакие «страшные слухи» о нем по Москве не ходили. Правда, сегодня все чаще утверждают обратное, словно забыв о том, что живы те, кто без труда может это опровергнуть. Что ж, одна ложь неизбежно порождает другую: большая – маленькую, маленькая – большую.

Из стенограммы июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС:

«Нами обнаружены многочисленные письма от женщин интимнопошлого содержания. Нами также обнаружено большое количество предметов мужчины-развратника (речь идет о результатах обыска в его

служебном кабинете в здании Совета Министров СССР в Кремле). Эти вещи ратуют сами за себя, и, как говорится, комментарии излишни... Зачитаю показания некоего Саркисова, на протяжении 18 лет работавшего в охране Берия. Последнее время он был начальником его охраны. Вот что показал этот самый Саркисов: «Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами. Мне известно, что через некую гражданку С. (разрешите мне фамилии не упоминать) Берия был знаком с подругой С., фамилию которой я не помню. Работала она в Доме моделей... Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой Института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берия и сделала аборт. Сожительствовал Берия также с 18-20-летней девушкой Лялей... Находясь в Тбилиси, Берия познакомился и сожительствовал с гражданкой М. После сожительства с Берия у М. родился ребенок... Мне также известно, что Берия сожительствовал с некой Софьей. По предложению Берия через начальника санчасти МВД Волошина ей был сделан аборт. Повторяю, что подобных связей у Берия было очень много.

По указанию Берия вел список женщин, с которыми он сожительствовал. (Смех в зале.) Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии... более 25 таких женщин». Список, о котором говорит Саркисов, обнаружен... «Год или полтора назад я совершенно точно узнал, что в результате связей с проститутками он заболел сифилисом. Лечил его врач поликлиники МВД Ю. Б., фамилию его я не помню. Саркисов».

Вот, товарищи, истинное лицо этого, так сказать, претендента в вожди советского народа. И эта грязная моська осмелилась соперничать с великаном, с нашей партией, с нашим ЦК... Партия, ЦК справлялись с шавками и покрупнее...»

Стоп! Не излишне ли откровенен секретарь ЦК КПСС Н. Шаталин, обличая моральное падение члена Президиума ЦК? Обратите внимание: «Вот, товарищи, истинное лицо этого, так сказать, претендента в вожди советского народа». «Претендента» уже нет в живых, почему бы не показать его уголовником, а не политическим противником? И звучит довольно правдоподобно: ну, кто, скажите, не без греха? Если и преувеличили, не так страшно...

«Купился» на «амурные» байки даже известный писатель, посвятивший этой теме рассказ, юные героини которого трагически погибают после ночи, проведенной в спальне члена Президиума ЦК, в газовой камере, умерщвленные газом «циклон». Камера, естественно, расположена в подвальном помещении дома Лаврентия Павловича Берия.

Чушь, разумеется. Разве можно говорить об этом серьезно? Какая камера, какой «циклон»... Понимаю, конечно, зачем плели такие вздорные вещи на Пленуме ЦК. Не было фактов, которые подтверждали бы участие отца в так называемом заговоре, его причастность к зарубежным спецслужбам или, как тогда говорили, империалистическим разведкам. Вот и решили показать народу разложившегося типа – пьяницу, развратника, садиста, якобы вознамерившегося стать диктатором и ввергнуть страну в пучину кровавого террора. А сейчас-то зачем все это сочинять? Не понимаю...

Пожалуй, больше других преуспела в описании любовных приключений некая Нина Алексеева, бывшая артистка одного из ансамблей песни и пляски Москвы. Ей уже давно за 70, но неумной энергии автора можно позавидовать. Вот уже несколько лет старушка охотно выступает перед самой разной аудиторией, охотно дает интервью и даже собирается издать книгу воспоминаний о Лаврентии Павловиче Берия, с которым якобы была близка. Можно только догадываться, на чем именно собирается акцентировать внимание читающей публики

новоявленная писательница. Во всяком случае, никаких сомнений на сей счет после опубликованных на разных языках ее воспоминаний в периодике не появляется. На мой взгляд, Нина Васильевна просто решила заработать на хлеб в столь трудное время. Ну, посудите сами, можно ли без известного скепсиса относиться, скажем, к таким «фактам»:

«И вы знаете, я, конечно, с ним сблизилась, с Лаврентием Павловичем. Никаких, конечно, насилий с его стороны не было. Вначале мы сели за стол. Чего только там не было! ...Если уж говорить откровенно, он был сильный мужчина. Очень сильный, без всяких патологий. Такому мужчине, наверное, было мало одной женщины, надо было очень много женщин... Когда он в первый раз овладел мной, и с такой, вы знаете, страстью, я чувствовала, что, конечно, ему нравлюсь. У моего дома стали часто появляться правительственные машины, этот Саркисов заходил к нам в квартиру... Я видела его отношение ко мне, очень милое. Но у меня к нему не было страсти. Он мне как-то даже сказал: “Ты холодная, ну почему ты такая красивая и такая холодная...”. А потом, обстановка его дома на улице Качалова мне не нравилась. Знаете, дом очень красивый с виду, но изнутри, знаете, такое невзрачное впечатление, я не могу сказать, что здесь жил Берия. Двухспальная кровать орехового дерева огромная. Помню, когда Саркисов привез меня вторично или в третий раз, я ждала Лаврентия Павловича очень долго. Вышла ко мне женщина в белом халате, очень милая, любезная, и говорит: “Вы не волнуйтесь, он должен приехать”. По левую сторону коридора, отлично помню, была библиотека. Посмотрела там книги – один сплошной Сталин. Думаю, неужели он не интересуется классикой?»

Воздержусь от комментариев. Чего стоит хотя бы описание домашней библиотеки в нашем доме. В таком случае, простите, куда же подевалась приличная библиотека самого Лаврентия Павловича, книги кандидата сельскохозяйственных наук Нины Теймуразовны Берия, доктора физико-математических наук Серго Берия? В подвальном помещении, заполненном мифическим «циклоном»? Разве можно поверить, что хозяин дома, изошряясь в любовных похождениях, устраивал годами ночные оргии в собственной спальне на виду у жены, сына, невестки и остальных домочадцев?

Я бы никогда не коснулся столь пикантной темы, если бы не многочисленные публикации, где по-прежнему главным действующим лицом вновь и вновь оказывается ветеран сцены госпожа Алексеева. Последняя публикация ее «дневниковых» записей, опубликованная одной из ведущих российских газет, просто умиляет. Если раньше Нина Васильевна не могла (?) поведать массовому читателю некоторые детали, то теперь, надо полагать, вполне откровенна. По ее утверждению, отец возил любовницу в Кунцево, на дачу Сталина. Кстати, знакомство с вождем особого впечатления на Алексееву не произвело. Что ж, бывает. Обнадешивает другое. Судя по всему, очередной цикл «любовь вождей» вполне может быть продолжен. Кто знает, какие тайны кроются за стенами Кунцевской дачи. Вероятно, Нина Васильевна в будущем не преминет рассказать и об этом...

Любопытна реакция одного из читателей, возмущенных публикацией на страницах популярной газеты интервью с Алексеевой под хлестким заголовком «Раба любви Лаврентия Берия». Что же вызвало неприятие читателя? Сам факт появления в печати очередной сказки о «монстре»? Да ничего подобного! «Зачем показывать молодежи, что зверь Берия был не так уж страшен?» На фоне поднадоевших порядком рассказов о высматривающем у своего дома красивых женщин зампреде и вездесущем полковнике Саркисове эта публикация, надо полагать, выглядит бледнее...

Я читал письмо возмущенного читателя и думал: до чего же живучи вбитые в нас когда-то стереотипы. Неужели сами мы не ведаем, что творим. Давно уже нет в живых людей, использовавших эту ложь для оболванивания масс, нет уже и ЦК с его официальными рупорами и глашатаями неправды, а автомобиль легендарного полковника все колесит улицами Первопрестольной, распугивая очаровательных москвичек. Ей-богу же, смешно! Но и грустно – тоже.

Ну какой еще народ позволил бы в течение сорока лет держать себя за простака, чья наивность поистине беспредельна...

Я еще раз повторяю, вся жизнь отца проходила на глазах семьи. Срывы, наверное, были, у каждого человека есть какие-то слабости, но такие похождения – вздор. Если уж на то пошло, могу рассказать о девушке, которая действительно была любовницей отца, но никогда об этом никому не рассказывала.

Я был уже взрослым человеком, но отношения с отцом оставались у нас на редкость доверительные. Как-то зовет к себе. «Надо, – сказал, – с тобой поговорить. Я хочу, чтобы ты знал: у меня есть дочь. Маленький человечек, который мне небезразличен. Хочу, чтобы ты об этом знал. В жизни, – сказал, – всякое может случиться, и ты всегда помни, что у тебя теперь есть сестра. Давай только не будем говорить об этом маме...»

Мама умерла, так и не узнав о той женщине. Просьбу отца я выполнил.

А женщину ту я видел. Было ей тогда лет 20, может, немного больше. Довольно скромная молодая женщина. Жизнь у нее, правда, не сложилась. Вышла замуж, родился второй ребенок. Муж погиб. Снова вышла замуж... Отец ее был служащим, мать – учительница. А сейчас у моей сводной сестры самой, естественно, дети.

Одно время она была замужем за сыном члена Политбюро Виктора Гришина. Когда Гришин узнал, что его сын собирается жениться на дочери Берия, решил посоветоваться с Брежневым. Насколько знаю, Леонид Ильич отреагировал так:

– Хорошо, а какое это имеет отношение к твоему сыну? И что ты делаешь вид, будто не знаешь, что все это дутое дело...

К слову, мне не раз приходилось встречаться с Брежневым на заседаниях Совета обороны, других совещаниях, где обсуждались вопросы, связанные с моей работой по созданию новых видов вооружения, но никогда о том, что случилось с моим отцом, мы не говорили... Леонид Ильич эту тему просто не затрагивал, делая вид, что Гегечкори это Гегечкори, а об остальном – он не имеет ни малейшего представления.

Сам он к делу отца причастен не был. Да что Брежнев – даже не все члены Президиума ЦК КПСС знали о том, что готовится его убийство. Постфактум уже они вынуждены были избрать для себя оптимальный вариант, исходя из своего многолетнего партийного опыта – примкнуть к более сильным. Правда, дальнейший ход событий показал, что ни о каком единстве в верхах политической власти и после смерти моего отца речь не шла. Вспомните антихрущевское выступление Молотова, Кагановича и других и последовавшую над ними расправу Хрущева, затем вынуждены были уйти Маленков, Булганин, т. е. люди, расправившиеся в свое время вместе с Хрущевым с моим отцом. Позднее уберут и самого Хрущева. Борьба за власть не прекращалась в Кремле никогда, как никогда не прекращалась компрометация новыми вождями вчерашних соратников. По этим законам Старая площадь жила до последнего дня существования КПСС...

Все последующие руководители прекрасно знали цену хрущевским «разоблачениям». Знали, но разрушать легенду не хотели, так как неизбежно пришлось бы рассказать народу куда более серьезные вещи.

Скажу совершенно откровенно: монахом отец не был. Это был нормальный человек, которого не обошли в жизни ни большая любовь, ни вполне понятные, думаю, едва ли не каждому мужчине увлечения. Нечто подобное произошло с отцом в Грузии, когда он увлекся одной красивой женщиной. Здесь дело кончилось семейным скандалом. Мама собиралась уйти, но отец, естественно, попросил прощения, и все обошлось. Можете представить реакцию моей матери, если бы все, что пишут сегодня об отце, было хотя бы частицей правды. Женщина-грузинка! Она могла со Сталиным спорить, что ей стоило хлопнуть дверью и уйти от такого мужа...

А к тем показаниям, которые выбивали у Саркисова и других, отношение у меня совершенно однозначное. И ему, и другим обещали «скостить» срок, если будут говорить то, чего от них ждали. Обманули, конечно. Они нужны были на определенном этапе. Подписал – тюрьма. И что, к примеру, мог сказать в той ситуации начальник охраны? Что охранял агента империалистических разведок и врага народа и партии? Велели говорить, что возил в дом Берия женщин сомнительного поведения, он и повторил. Все это вполне понятно. В те времена, наверное, просто не могло быть иначе.

Возможно, кто-то дал такие показания и из женщин, признавших себя на следствии любовницами отца. Что такое конспиративные квартиры, знает любой оперативник, работающих в органах государственной безопасности, милиции, разведке. Как правило, содержательницами таких квартир были женщины, немало женщин было, что тоже вполне понятно, и среди агентуры, работающей, в частности, с иностранцами. Как руководитель объединенного Министерства внутренних дел, куда вошли незадолго до смерти отца и политическая разведка, и контрразведка, отец наверняка бывал в таких квартирах, где встречался с агентами. Так что при желании, наверное, в тот злополучный список можно занести еще великое множество фамилий, включая иностранные...

Не меньшее распространение получила еще одна легенда об отце – с его именем связывают даже покушение на Сталина, которое якобы произошло в Абхазии. А речь вот о чем. Бытует версия, что в сентябре 1933 года мой отец якобы инсценировал покушение на Сталина, когда тот отдыхал на одной из южных дач. Цель понятна – заслужить благосклонное отношение вождя. Небылиц на сей счет написано много, а вот что происходило в действительности.

Существовали так называемые особые периоды. Это когда Сталин где-то отдыхал. Так было и в тридцать третьем. Все знали, что Сталин уехал в Москву. И начальник ГПУ Абхазии Микеладзе, очень хороший, кстати, человек, решил отдохнуть. Выехал с друзьями, как говорится, «на природу», слегка расслабиться. Развлекались на берегу. Выпили, закусили, и тут Микеладзе увидел пограничный катер. Здесь, на его беду, и пришла в голову мысль прокатиться всей компанией, а в ней были и женщины.

Кроме того, что Микеладзе руководил органами государственной безопасности Абхазии, ему как начальнику оперативного сектора подчинялись и пограничники. Но как остановить пограничный катер? Начал стрелять в воздух, пытаясь привлечь внимание экипажа. Подчеркиваю, в воздух – не по катеру. Кто мог знать, что на борту пограничного корабля находился в это время Сталин...

Факт стрельбы зафиксировали и начали разбираться. Нашлись горячие головы, которые тут же расценили это как террористический акт: мол, Микеладзе покушался на жизнь главы государства. Так пьяная выходка переросла в покушение.

Отцу все же удалось отстоять тогда Микеладзе, тот отделался снятием с работы и переводом на низовую должность в Грузию. Он бывал у нас позднее дома вместе с женой и сокрушался, как несправедливо с ним обошлись. Отец говорил ему:

– Слушай, ну что еще можно было сделать? Ты же сам понимаешь, что происходит. Вот меня даже упрекают, что я укрываю террориста. Считай, что еще легко отделался.

Мама тоже переживала за эту семью. Жена Микеладзе, очень хорошая женщина, была химиком по профессии.

Словом, Микеладзе уехал в Грузию, и об этом досадном недоразумении начали потихоньку забывать, но не все, разумеется.

Когда умер председатель Совнаркома Абхазии Лакоба, его смерть связали с Микеладзе. А там вот какой случай произошел. Еще при жизни Лакобы на его даче из его же револьвера застрелилась дочь председателя Госбанка Розенгольца. Увязали и с этим фактом. Выстроили версию – специально из Москвы следователь приехал! – будто бы эта девушка подслушала разговоры заговорщиков и ее таким образом «убрали». ГПУ Абхазии к расследованию

не допустили. Состоялся суд, и несколько человек были приговорены к расстрелу, в том числе и «террорист» Микеладзе. Правда, я слышал, что московские следователи обещали ему освобождение и выдачу других документов. Якобы его расстрел был фиктивным, а решение по Микеладзе принималось чуть ли не на самом «верху». Исходили из того, что сломить Микеладзе не удалось – он был действительно очень сильным человеком, – и решили взять уговорами. Но утверждать, что бывшему руководителю ГПУ Абхазии удалось в действительности избежать тогда расстрела, я, естественно, не могу.

Смерть Нестора Лакобы тоже нередко приписывают отцу, что тоже не имеет, разумеется, под собой абсолютно никаких оснований. Могу рассказать один случай, о котором историки или не знают, или предпочитают не вспоминать.

Уже после убийства Сергея Мироновича Кирова мы с семьей Лакобы отдыхали на Рице. Дороги к озеру еще не было, и отец с Лакобой поехали посмотреть, где ее проложить. Нас было человек 15: моя мама, жена Лакобы, его сын, года на два старше меня, наши отцы и еще несколько человек.

Разбили палатки и решили заночевать на берегу. Мы, мальчишки, набегавшись за день, уснули, конечно, раньше. Я находился в палатке, когда меня разбудили. Почему-то Лакоба предложил моим родителям, чтобы мы перешли в его палатку. Естественно, это вызвало известное недоумение. Помню, мама не соглашалась. Но Лакоба, ничего не объясняя, настоял на своем. Мы перешли. Я опять уснул, а мои родители и жена Лакобы остались сидеть у костра. Было уже совсем темно, когда палатку, где должна была ночевать наша семья, прошили пулеметные очереди.

Я не нахожу других объяснений случившемуся, кроме того, что Нестор Лакоба знал о готовящемся покушении на отца и предотвратил его. Будь они врагами, Лакобе надо было просто промолчать...

Никакой вражды между ними никогда не существовало, напротив, отношения между Лакобой и моим отцом всегда были дружескими и доверительными.

У Лакобы была совершенно определенная политическая доктрина, которую он не скрывал даже перед Сталиным. Свою сепаратистскую позицию он, скажем, объяснял моему отцу так: даже строительство железной дороги, против которой Лакоба категорически возражал, это не что иное, как проникновение России. А этого Лакоба не хотел.

Отстаивал свою позицию в таких откровенных разговорах и отец. Он, например, считал, что Союз должен быть единым, и в существование автономий не верил. Другое дело, что республики, входящие в тот же Союз, должны обладать неизмеримо большими правами, нежели это тогда было.

– Так или иначе, республики должны примкнуть к какому-то лагерю, – говорил отец. – С точки зрения исторических корней, для Грузии – это союз с Россией, потому что вся тысячелетняя история Грузии – это борьба нашего народа за выживание. Георгиевский трактат был принят задолго, мягко говоря, до советизации Грузии, и эту политику надо продолжать. Нас ведь связывает и единая вера, и единая культура. Надо лишь решительно отказаться от методов, присущих царскому режиму, и не подавлять язык, не заменять национальные кадры чиновниками российского происхождения.

И вообще, был убежден отец, надо учитывать местные условия. Он, например, считал, что Грузия, Украина, другие республики могут иметь национальную гвардию, что отнюдь не подрывает единство Союза. Но экономика и армия должны, безусловно, быть едиными.

По каким-то позициям взгляды отца и Лакобы совпадали, по другим они спорили, но на их дружбе, отношениях между ними это не сказывалось. Отцу, знаю, импонировало, что Лакоба искренне хотел процветания Абхазии. Это был человек дела, пусть и увлекающийся, но последовательный и деятельный. После соответствующих «проработок» на партийных пленумах, уже в конце жизни, а Лакоба, к слову, был очень больным человеком и даже лечился в

Германии, он изменил свои взгляды и все больше склонялся к тому, что Союз все-таки должен быть единым и другого пути у республик быть не может.

Можно с позиций сегодняшнего дня принимать или не принимать эти взгляды, но речь в данном случае не об этом. Когда я читаю, что Берия погубил Лакобу, ничего, кроме вполне понятного возмущения, эта ложь у меня не вызывает.

То покушение на отца, которое предотвратил Лакоба, кстати, отнюдь не единственное. То, что НКВД не считался в тридцатые годы с партийными организациями республик, известно. Центральный аппарат Наркомата внутренних дел опирался на указания ЦК ВКП(б). И это факт давно доказанный, здесь я ничего нового не открываю. Люди из Орготдела ЦК выезжали в республики для координации и руководства массовыми репрессиями. В Белоруссию, например, выезжал с такой целью Маленков, на Украину – Каганович. Разумеется, аресты, расстрелы ни в чем не повинных людей совершались чужими руками, но организаторами этих злодеяний были они, представители ЦК ВКП(б).

Грузия не стала исключением. Каток репрессий прошел и по этой республике. Еще при жизни Серго Орджоникидзе отец направил через него ряд писем Сталину, в которых не скрывал своей позиции: НКВД ведет планомерное уничтожение грузинской интеллигенции, грузинского народа. Орджоникидзе полностью поддерживал отца, так как всегда был противником репрессий.

После смерти Орджоникидзе избиение кадров приняло еще более массовый характер. Несмотря на протесты моего отца как руководителя республики, органы внутренних дел продолжали аресты людей. Не по собственной инициативе, конечно, а выполняя прямые указания Центра. Так ведь было и в других республиках...

Среди людей, арестованных по настоянию центральных органов, оказалось немало выдающихся ученых, писателей. Мой отец дважды обращался к Сталину, спасая, например, среди других, светоча мировой науки Джавахишвили. Дважды спасал Гамсахурдия. К сожалению, ответом было лишь усиление массовых репрессий. Погиб Михаил Джавахишвили, погибли многие другие деятели грузинской культуры, науки.

Видимо, поведение отца стало раздражать партийную верхушку, и Ежов, руководивший в то время органами госбезопасности, через своих ставленников в Грузии решил организовать на него покушение. Об этом случае я знаю не с чьих-то слов, потому что волей обстоятельств оказался в тот злополучный день в машине отца.

...Из Москвы возвращались по Военно-грузинской дороге. Вместе с отцом, мамой в этой машине находились жена одного партийного работника и второй секретарь ЦК, белорус по национальности, Хацкевич. Уже стало темнеть, когда нашу машину попытались остановить, а затем обстреляли спереди и сзади. Огонь явно велся на поражение.

Хацкевич сидел рядом со мной, и я своими глазами видел, как его ранили.

Умирал он на руках у моей матери. Все мы слышали его последние слова: «Ты, Нина, не забудь о моем ребенке...»

Уже через год из Белоруссии поступили какие-то материалы, в которых Хацкевич, уже мертвый, был объявлен врагом народа. В таких случаях репрессировали и семьи, но маме удалось каким-то образом спасти ребенка Хацкевича и устроить его в семью близких нам людей.

Одна существенная деталь: Хацкевич носил пенсне, как и мой отец. Вероятно, это и сбilo с толку тех, кто стрелял в отца.

Так что я знаю лишь о двух покушениях на моего отца, сколько же их было всего, сказать не могу. Этих неприятных воспоминаний в семье старались не касаться...

Для партийного аппарата – имею в виду аппарат ЦК ВКП(б) – отец, хотя и был секретарем ЦК республики, оставался периферийным работником, но с собственной позицией. Отношение к таким людям было всегда настороженным. Попытки привлечь отца на свою сторону предпринимали и Ягода, Ежов. Неправда, что это были дегенераты, начисто лишенные мозгов,

как это подчас преподносят. Весь ужас и состоит в том, что люди, повинные в злодеяниях против собственного народа, были изворотливыми, а нередко и умными людьми, что отнюдь не мешало им идти на преступления.

Скажем, сделавший карьеру в Орготделе ЦК Николай Ежов, впрочем, как и Ягода и другие, отлично понимал, какую опасность даже в личном плане представляет для них Берия. Первое: колоссальный опыт работы в разведке. Умен, на хорошем счету. Его знает Сталин. Грузин. Прогнозировать его перевод в Москву вполне можно было без труда.

Ни одного секретаря ЦК республики не обхаживали они так, как отца и нашу семью. Встречали в Москве, везли к себе на дачу... А отец к этому внешнему проявлению дружелюбия всегда относился – я это видел – настороженно. Меня это удивляло немного, так как я хорошо знал своего отца. Человеком он был открытым и подобные встречи с друзьями очень любил.

Помню, зимой это было, Ежов пригласил нас к себе на дачу. Внешне это выглядело как приглашение друга. Они ведь с моим отцом на «ты» были... Но отец сказал, что нам эта поездка ни к чему.

Повторяю, и Ежов, и другие были неглупыми людьми. Они видели и понимали, что отец – один из тех, кто может оказаться в центральном аппарате, а конкурентов всегда стремились убирать заблаговременно. Это тоже, если хотите, железный закон Системы.

Отец никогда на эти темы не говорил, но, думаю, «просчитал» он и Ягodu и Ежова гораздо раньше. Хотя о самих организаторах покушений очень долго ничего не было известно, но то, что нити вели к НКВД, было ясно. Непосредственным руководителем покушения на Военно-грузинской дороге был, безусловно, нарком внутренних дел Грузии. Вполне понятно, кто поручил ему эту акцию.

К слову, после покушений на отца Сталин прислал в Тбилиси бронированный американский автомобиль. Тогда же такие машины получили и другие первые секретари ЦК союзных республик.

Думая обо всем этом, я все больше склоняюсь к мысли, что нити первых заговоров против отца – еще тех, довоенных – вели однозначно в НКВД СССР. Там словно чувствовали, какими кардинальными переменами обернется для всеильного карательного ведомства его перевод в Москву...

Почему партия, вернее, ее высшее руководство расправилось с моим отцом? Потому, что он затронул святая святых советской номенклатуры – основу Системы. Говорю так не для того, чтобы перед кем-то оправдать своего отца. Свои ошибки он знал и вину свою знал – она тоже была, – потому что нет особой разницы, разделяешь ты взгляды тех, с кем находишься в руководстве страной, или нет, голосуешь за что-то из личных убеждений или в силу каких-то обстоятельств. Да, мой отец не подписывал расстрельные списки, как это делал Ворошилов, не проводил массовые репрессии, как Каганович или Маленков, Хрущев или Жданов, но коль он был одним из членов политического руководства, ответственность, безусловно, лежит и на нем, на каждом из них. Он ведь и хотел, настаивая на созыве внеочередного съезда, справедливой оценки деятельности и своей, и своих коллег. То, что мы имели и до войны, и позднее, не было режимом личной диктатуры Сталина. Очень удобно сегодняшним защитникам «большевизма» представлять Сталина полусумасшедшим диктатором, а его окружение, членов Политбюро, бессловесными жертвами обстоятельств. Да и сама большевистская партия подается как такая же жертва террора всеильного НКВД и деспотизма ее Генерального секретаря. Неправда. Вина – на каждом, и на самом Сталине, и на остальных. Это они ответственны за все просчеты, за все ошибки, искривления, допущенные Системой. И за преступления, совершенные с октября 1917 года, – тоже. А уж чья вина больше или меньше, чьи заслуги весомей – судить Истории.

В советском руководстве всегда были люди, в той или иной степени боровшиеся за очищение большевистской партии, коммунистической Системы. Я глубоко убежден, что это был

сизифов труд – очищать было нечего. Система была такой изначально. Каменев, Зиновьев, в какой-то период Бухарин... Уходили одни, приходили другие, но основа большевизма, его стержень – диктатура пролетариата не менялась. Со временем она, правда, выродилась в диктатуру партийного аппарата, но принципиальных изменений не последовало. Диктатура всегда остается диктатурой.

После смерти Сталина отец все еще надеялся, что даже в условиях существующей Системы что-то можно изменить. Понимали, что необходима смена курса, и те, кто работал вместе с ним – Хрущев, Маленков и остальные. Но пойти на кардинальные перемены они не могли, потому что, убрав партийное начало в руководстве страной, как того требовал отец, они сами бы оказались в оппозиции к всеильному во все времена партийному аппарату. А это был бы конец партийной верхушки. Достаточно вспомнить, как зашаталось кресло под последним Генеральным секретарем, когда он начал метаться между старыми и новыми друзьями... А как «уходили» Хрущева? Всесилен не Генсек – всесилен аппарат, чьим ставленником Генсек являлся.

Отец не исключал, что на смену тому, еще сталинскому, руководству может прийти новое. По его мнению, в республиках было немало толковых руководителей, способных взять и, что не менее важно, выдержать новый курс. Помню, зашел у него разговор на эту тему с Маленковым и Хрущевым:

– Допустим, что нам все же придется уйти, и нам на смену придут молодые. Неужели хуже будут работать, а?

– Да нет, конечно, и мы молодыми были... – соглашались Хрущев и Маленков. Хорошо помню еще такие слова Маленкова:

– А я всю жизнь мечтал инженером быть...

Тут уж отец не выдержал:

– Брось, Георгий! Знаем мы, о чем ты мечтал. Ты еще учился, а уже в партийные органы рвался. Нам-то хоть сказки не рассказывай.

Такие откровенные разговоры были. Главный просчет отца был в том, что он верил им всем. Знал ведь, с кем имеет дело, но – верил. Хотя, полагаю, догадывался, конечно, что Президиум ЦК может против него выступить. Но, видимо, рассуждал так: соберется Чрезвычайный съезд, расставит все по своим местам и каждому воздаст то, что заслужил. Сама ситуация после смерти Сталина способствовала прямому честному разговору. Люди вернулись с войны, подняли разрушенную страну и ждут ответа на вопросы, которые волнуют их уже много лет: как и почему все это случилось? Что происходит сегодня? Кто виноват?

Выступи отец на съезде, думаю, его бы поддержали. Есть одно обстоятельство, которое уже много лет мешает объективному восприятию его деятельности на посту одного из высших должностных лиц государства – он возглавлял карательное ведомство. Как правило, этого вполне достаточно... И не столь важно, когда именно и каким был он наркомом. Сама аббревиатура НКВД срабатывает здесь как клеймо.

Я не призываю читателя этой книги изменить отношение к карательным органам, но, надеюсь, о тайных пружинах, которые толкали эти структуры на самые страшные преступления, читатель наконец узнает.

Но история ЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ лишь часть правды о прошлом. В немалой степени эта книга и о самой партии, ее высшем эшелоне, по вине которого оборвалась жизнь моего отца. Но эта книга и о тех людях, которые честно делали то, что считали правильным, – укрепляли экономику и безопасность государства, международные связи, создавали новое оружие, строили новые заводы... Одним из них был и мой отец Лаврентий Берия.

Он прожил недолгую, но, убежден, яркую жизнь. С кем только не сводила его судьба! К нему всегда тянулись думающие, инициативные, энергичные люди. Среди близких друзей

моего отца – первый заместитель министра среднего машиностроения СССР Борис Львович Ванников, академик Курчатов, министр металлургической промышленности Тевосян. Довольно близким к отцу человеком был авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев. А еще – академик Минц, партийный работник Кудрявцев, маршал Жуков...

Желанными гостями в доме Берия всегда были художник Тоидзе, философ Нуцибидзе, писатель Константин Гамсахурдия, известные организаторы спортивного движения в Грузии Арчил Бакрадзе и Эгнатошвили, многие другие интересные люди того времени.

Жизнь заставила его стать чекистом, но трогательную любовь к архитектуре, которую изучал в юности, отец сохранил на многие годы. Он по-доброму завидовал своим старым знакомым, друзьям, ставшим известными зодчими. Знаю, что отец и в Грузии, и в Москве встречался с Жолтовским, Северовым, Абросимовым, другими видными архитекторами, с удовольствием рассматривал их проекты.

Особое уважение питал отец к военным. Кроме Жукова, могу назвать и фамилии близких ему маршала Василевского, генерала Штеменко.

Очень многие люди в то время сделали карьеру с помощью отца. Среди наиболее известных – Устинов, назначенный по рекомендации моего отца на должность наркома вооружения в очень молодом возрасте, те же Ванников, Тевосян, министр химической промышленности Первухин, зампред Совета Министров Малышев, Председатель Госплана Сабуров. Скажем, Сабуров, экономист по образованию и чрезвычайно способный человек, не пришелся ко двору партийной элите, потому что никогда не работал в партийных органах, а это в глазах номенклатуры было серьезным недостатком. Она ведь не терпела настоящих специалистов ни в одной области. И хотя очень многие были против выдвижения Сабурова, отец на своем настоял. Драться за людей дела отец умел всегда, и не имело значения, какую должность занимает его оппонент. Так было и с назначением на должность наркома Дмитрия Федоровича Устинова. Отец доказывал, что это замечательный организатор и талантливый инженер, а партийные чиновники в ответ:

– Как же так, Лаврентий Павлович? Вы предлагаете на должность наркома вооружения (!) человека, который ни дня не работал секретарем заводского парткома. Он ведь совершенно не знает партийной работы!

– Он знает дело, и этого, считаю, вполне достаточно, – парировал отец.

В таких случаях нередко вмешивался Сталин, и вопросы с назначением тех или иных людей, чьи кандидатуры предлагал отец, так или иначе решались. К сожалению, порочную практику выдвижения не по деловым качествам партийный аппарат культивировал всегда. Кто из нас не сталкивался с подобным на производстве...

Отношения с партийными органами у отца всегда были непростыми. Я для себя решил этот вопрос несколько десятилетий назад, когда еще не считалось доблестью сжигать партийные билеты: категорически отказывался после заключения возвращаться в ряды партии. Отцу было сложнее – его высокие должности предполагали неременное членство в Политбюро...

Но отношения своего к партийному аппарату отец никогда не скрывал. Например, и Хрущеву, и Маленкову он прямо говорил, что партийный аппарат разлагает людей. Все это годилось на первых порах, когда только создавалось Советское государство. А кому, спрашивал их отец, нужны контролеры сегодня?

Такие же откровенные разговоры вел он и с руководителями промышленности, директорами заводов. Те, естественно, бездельников из ЦК на дух не переносили.

Столь же откровенен был отец и со Сталиным. Иосиф Виссарионович соглашался, что партийный аппарат устранился от ответственности за конкретное дело и, кроме говорильни, ничем не занимается. Знаю, что за год до своей смерти, когда Сталин предложил новый состав Президиума ЦК, он произнес речь, суть которой сводилась к тому, что надо искать новые формы руководства страной, что старые не оптимальны. Серьезный разговор шел тогда и о

деятельности партии. Полагаю, любопытно сегодня было бы обнародовать эти материалы. Но не тут-то было: официально заявлено, что той стенограммы в партийных архивах нет. Очередная ложь, разумеется...

Вообще, с архивами очень любопытная вещь получается. Я знаю людей, которые пытались, причем весьма настойчиво, получить доступ к материалам того времени, связанным с деятельностью моего отца, высшего руководства страны. Речь, замечу, шла о попытках объективно разобраться в событиях сорокалетней давности. Ни один человек такие материалы не получил. Кто наложил запрет? Политбюро ЦК КПСС.

Знаю и о столь же настойчивых попытках получить доступ к архивам со стороны зарубежных компартий. Тут уже требовалось разрешение Генерального секретаря ЦК КПСС. Но и в этих редких случаях доступа к документам посланцы «братских партий» не получали. Аппарат ЦК, не знакомя с исходными документами, предоставлял лишь справки, подготовленные ЦК по тому или иному вопросу. Так было с материалами, связанными с нашими отношениями с ГДР, Польшей, Венгрией, Чехословакией...

КПСС, ЦК, Политбюро давно нет, но и в посткоммунистической России документы сталинского периода и материалы, датированные пятидесятью годами, предаются огласке лишь избирательно. Политическая игра, насколько понимаю, еще не окончена. Вся группа так называемых дел, связанных с деятельностью моего отца и его судьбой, засекречена, как и прежде. И это лишь один пример...

Тайны Кремля, пусть простит меня читатель за тавтологию, все десятилетия существования Советского государства оставались для народа тайной за семью печатями. Естественно, «низы» не могли знать, какие страсти бушуют в «верхах». Тем более не могла дойти до «низов» информация о секретном ведомстве Лаврентия Берия.

Отец не «мелькал», как другие, с речами в газетах, не появлялся, за редким исключением, на митингах, партийных активах и прочих массовых мероприятиях. И не в одной «секретности» дело. Вся эта мишура его раздражала. Вся его жизнь была заполнена конкретным и очень ответственным делом. Так было и до войны, и в войну, и после войны. У него просто не было времени на массовые мероприятия, которые обожала партийная верхушка. Опыт советских партийных и государственных деятелей последних десятилетий убеждает, что надо или заниматься делом, или вести многочасовые пустопорожние разговоры «с народом». Третьего, как говорили древние, не дано. А отец ценил каждый час. Самодисциплина у него была – знаю это с детства – высочайшая. Человек дела – это о нем.

К славе отец был равнодушен, как, очевидно, любой другой человек, занимающий столь высокое служебное положение. Хотя, как известно, исключений в советском руководстве всегда хватало...

На XVII съезде он был избран в состав ЦК ВКП(б), позднее стал членом Политбюро. Имел звание Генерального комиссара государственной безопасности. В сорок пятом как член Государственного Комитета Обороны получил звание Героя Социалистического Труда. Тогда же наградили Маленкова и других высших руководителей. Когда звания в органах внутренних дел и госбезопасности приравнивали к армейским, отец стал Маршалом Советского Союза. За организацию обороны Кавказа в войну получил орден Суворова, до этого, за работу в разведке, – орден Красного Знамени. Помню, отец смеялся: «Зачем мне шесть орденов Ленина? Неужели одного было бы мало?». У отца, кстати, были интересные предложения по изменению советской наградной системы, что тоже, как ни странно, умудрились поставить ему в вину. Речь о введении орденов союзных республик.

Из стенограммы июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС:

«БАГИРОВ. Речь идет о создании новых республиканских орденов.

Звонит мне Берия и говорит: ты знаешь, я готовлю вопрос об орденах.

Говорю ему, как это ты готовишь. Он поправился и говорит; мы хотим

установить новые ордена. Я думаю, вопрос об орденах не простой вопрос. Это не организационный вопрос. Он входит в функции Центрального Комитета партии и правительства, это вопрос политики, как же он может готовить этот вопрос...

МАЛЕНКОВ. Какие ордена?

БАГИРОВ. Ордена культуры, союзные и республиканские ордена культуры.

БУЛГАНИН. Для какой категории людей?

БАГИРОВ. Для работников искусства, работников театров.

МАЛЕНКОВ. Например, какие ордена.

...Ордена могут быть чьего-то имени.

ЮСУПОВ. Мне звонил, по его поручению, его помощник Ордынцев, что Берия вносит предложение о том, чтобы установить две группы орденов; первая группа – ордена союзные, вторая группа – республиканские; затем установить ордена великих людей национальных республик. Так, например, у него Низами, у узбеков Алишер Навои и т. д. Я тогда говорю, что надо подумать по этому вопросу. (Смех) До сих пор по-другому нас воспитывали...»

Сколько стрел выпущено на том пленуме в адрес моего отца, якобы покушавшегося на «ленинскую национальную политику, великую дружбу народов СССР». А отец просто добивался предоставления широких прав союзным республикам, всячески поддерживал национальные кадры. История с орденами – довольно показательный пример. Отец считал, например, что все республики должны иметь свои государственные награды. Высшим орденом Украины, например, предполагалось сделать орден Шевченко, Грузии – орден Шота Руставели. Партийная верхушка не рискнула пойти даже на это.

Не было со стороны моего отца «искажения национальной политики», в чем его неоднократно упрекали на том Пленуме ЦК. Отец, сторонник единого сильного государства, тем не менее, был убежден, что политика, которую проводил в отношении республик Центр, как раз и вредит дружбе народов. А ЦК всегда стремился держать республики «в узде», с чем отец примириться не мог.

Он не раз приводил примеры из прошлого, используя архивные материалы, связанные с имперской политикой царской России. И он доказывал, что в структуре современного государства эти же методы, пусть в видоизмененном состоянии, насаждать ни в коем случае нельзя.

Как-то, знаю, они с Жуковым обсуждали, на каком этапе можно создавать национальные армейские соединения и части. Спорили долго и пришли к выводу, что как только начнется формирование первой такой дивизии, то этой республики в составе СССР больше нет. Может, это и звучит сегодня не очень хорошо, но Жуков и отец решили, что национальные формирования должны быть лишь декоративные, для парадов. Как, скажем, республиканские министерства иностранных дел. Помню, Жуков убеждал отца:

– Ты, Лаврентий, пойми, как только такие части появятся, например, на Украине или, скажем, в Грузии, конец и армии, и Союзу.

Отец смеялся:

– Ну и правильно, если мы душим друг друга... А если серьезно, мы должны подвести всю структуру государства к тому, чтобы остаться едиными для внешних систем, но не давить на республики.

Жуков соглашался, хотя в душе, возможно, и оставались у него сомнения. Но национальные части так и не позволили создать. Отец шутил:

– А чем Гречко не командующий украинской армией? Почему Рокоссовский может министром обороны Польши быть, а Гречко нет? И белоруса найдем...

Но шутки шутками, а мысли о настоящем, а не навязанном штыками Союзе не оставляли его до дня гибели. Сохранилось множество документов по Украине, Белоруссии, Грузии, прибалтийским республикам, в которых отец излагает свои предложения. Их-то и припомнили ему на Пленуме ЦК. Центр и тогда боялся самостоятельности республик.

И еще одно обвинение в адрес моего отца изложено в постановлении того самого пленума «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»: «Как установлено фактами, Берия еще при жизни Сталина, и в особенности после его кончины, под разными предлогами всячески тормозил решение важнейших неотложных вопросов по укреплению и развитию сельского хозяйства. Теперь несомненно, что этот подлый враг народа ставил своей целью подрыв колхозов и создание трудностей в продовольственном снабжении населения». Смешно! Отец, насколько известно, никакого отношения к сельскому хозяйству последние лет 15 перед этим пленумом не имел, а ответить на эту ругань было уже некому, вот и обвинили отца и в развале сельского хозяйства, и промышленности, и в прочих грехах. Но частица правды вот в чем. Отношение отца к колхозам было известно, на этом партийная верхушка и сыграла: мол, враг колхозного строя. А он действительно говорил, что колхоз – идеальная система для эксплуатации человека. Не зря ведь немцы организовали их работу в период оккупации... Идеальная для эксплуатации, но не оптимальная, добавлял отец. Он видел два пути подъема сельского хозяйства – фермерский путь и путь крупных агрохозяйств. Отец предложил провести такой эксперимент. Учитывая, что колхозам до крупных агрохозяйств далеко, выделить до сотни совхозов, ввести оплату труда на уровне квалифицированных заводских рабочих, дать технику и посмотреть, что выгоднее. Параллельно с этим вернуться к фермерским хозяйствам, но сделать это не с помощью Указа о роспуске колхозов. По мнению отца, это была бы вторая коллективизация, сопряженная с насилием. Он называл конкретные регионы, где фермерство имеет глубокие корни, и навязывать жителям Западной Украины Литвы, Латвии, Эстонии колхозы просто абсурдно.

Не помню, кто именно кричал на пленуме, что Берия не прочел в жизни ни одной книги... Он постоянно работал с архивными документами, трудами еще тех, царских, историков и достаточно аргументировано доказывал, что не случайно крестьянские восстания были на Украине и на Дону. Там всегда были крепкие хозяйства, и люди знали, за что дрались. Колхозы создавались там в прямом смысле кровью. А в Центральной России, скажем, этого не было. К сожалению, переубедить высшее руководство отец так и не смог. Партийная верхушка постаралась любой ценой провести коллективизацию и в Прибалтике, и в Западной Украине, чего, конечно же, делать не следовало. А предложения отца были положены под сукно. Вспомнили об этом спустя десятилетия, но то, что это были предложения его, от народа опять скрыли.

Знаю, что отец очень интересовался идеями Столыпина – сторонника фермерских хозяйств. Опираясь на цифры из архивных источников, отец доказывал, что повторение обильных урожаев начала века вполне возможно, надо лишь не бояться использовать опыт Столыпина и решиться наконец на столь же серьезные реформы. Как и следовало ожидать, эти предложения реализованы не были, а после гибели отца о фермерстве никто уже не рисковал говорить вслух.

«О каком коммунизме можно вести речь, если мы не сумели накормить людей», – говорил он. И это не было позой высокопоставленного чиновника, на словах радеющего за народ. Отец искренне хотел улучшить жизнь тех, кто вынес на своих плечах страшную войну. Жизненный уровень в стране он считал главной задачей и немало сделал для осуществления своих замыслов. Кто-то из партийных деятелей заявил, что Берия публично называл профсоюзы бездельниками. Скажу откровенно: если он своего отношения к партийному аппарату никогда не скрывал, вполне допускаю, что мог такое и о профсоюзах сказать. Но ветераны металлургической, нефтяной, угольной промышленности, которые в свое время он курировал, наверняка не забыли, как им тогда работалось и жилось. Смею утверждать, что в данном случае это не

было проявлением трогательной заботы со стороны советских профсоюзов. Отец и люди, которые его окружали, были убеждены, что отношение к человеку труда не должно быть иным. Не уверен, что впоследствии социальные вопросы в этих отраслях промышленности решались с такой же настойчивостью, как это было в трудные послевоенные годы...

Почитайте, с каким раздражением говорили о нем на том пленуме партийные бонзы: «Он засыпал нас бумагами, предложениями... Он искал дешевой популярности...» Неприязнь номенклатуры вполне понятна. Коммунистической партии и ее «ленинскому Центральному Комитету» во все времена нужны были бездумные, безынициативные соглашатели, но не созидатели. А когда ненависть достигла предела, партийная верхушка пошла на политическое убийство, устроив после его смерти судебный фарс.

Не знаю, правы ли те, кто считает, что тогда, в пятьдесят третьем, мой отец проиграл. Если говорить о его гибели, вероятно, такие утверждения близки к истине. Но его идеи, принципы, которые он исповедовал всю свою жизнь, убеждают, что за них все же стоило драться. Само время, как мы убедились, рассудило, за кем была тогда правда.

Политика можно убрать с политической арены, можно убить, скомпрометировать в глазах народа, оболгать, как поступили с моим отцом, но перечеркнуть все то доброе, что он сделал для своей страны, убежден, невозможно.

Глава 2. Сталин и Берия

Сталин и Берия. Кто из советских, а ныне российских историков не пытался добраться до корней взаимоотношений этих двух исторических фигур! Кто-то, как, скажем, один из руководителей одиозного Главпура генерал от ЦК Дмитрий Волкогонов, то и дело прибегая к прямой фальсификации фактов, безуспешно пытался навязать читателю искаженный образ Берия как бледной тени кремлевского диктатора. Другие, не склонные к столь буйной фантазии, продолжали разыгрывать «грузинскую карту». Увы, и эти домыслы не приблизили нас к истине. Загадка отношений между Сталиным и моим отцом так и осталась загадкой.

Сопоставим, читатель, лишь два неопровержимых факта. Факт первый. Москва, Красная площадь. День похорон Сталина. С трибуны Мавзолея Лаврентий Берия произносит свою знаменитую траурную речь: «Кто не слеп, тот видит...» Факт второй, почему-то до сих пор, в отличие от первого, не заинтересовавший историков и публицистов. Москва. Кремль. Заседание июльского Пленума ЦК КПСС. После той траурной речи прошло всего четыре месяца, но одно из обвинений в адрес отца звучит дословно так: «Берия хотел подорвать культ личности товарища Сталина». В сумбурном выступлении на Пленуме Анастаса Микояна есть и еще одна примечательная фраза: «В первые дни после смерти товарища Сталина он ратовал против культа личности».

Сама стенограмма того Пленума, рассекреченная лишь недавно, на первый взгляд способна пролить свет на взаимоотношения главы советского государства и одного из его ближайших соратников. Тот же Микоян то и дело сокрушается, что «товарищ Сталин излишне доверял Берия», но тут же опровергает самого себя, утверждая, что этого... не было. Столь же сомнительны и аргументы, свидетельствующие о явном недоверии. Мол, во время войны Сталин разделил МВД и государственную безопасность, а Лаврентий Павлович был назначен в Совет Министров и Государственный Комитет Обороны. Если учесть, что 30 июня 1941 года отец вошел в ГКО, сосредоточивший всю власть в государстве, то выступление А. Микояна звучит более чем странно.

Но так или иначе, пусть лишенное элементарной логики, но тем не менее прозвучавшее с высокой трибуны заявление заслуживает внимания и наводит на определенные размышления.

Сколь искренен был мой отец, выступая на траурном митинге в марте пятьдесят третьего? Не противоречит ли это его другим заявлениям?

То, что он мог сказать – и говорил! – на заседаниях Президиума ЦК, непозволительно было произнести с такой трибуны. Думаю, это понятно. Хотя отец действительно выступил первым против культа личности Сталина, что, как абсолютно ясно из материалов Пленума ЦК, это и вызвало переполох в кремлевском руководстве.

Меня нередко спрашивают, кто я, сталинист или антисталинист. Так вот, я не считаю себя ни сталинистом, ни антисталинистом. Я против Системы, породившей Ленина, Сталина, Троцкого, Бухарина, Рыкова... Этот список читатель может продолжить без труда. Вспомните хотя бы репрессии. Ведь не в тридцать седьмом они начались и даже не в тридцать четвертом. Гораздо раньше! А сколько невинных жертв на совести тех, кто пришел уже после Сталина? Да и не в цифрах дело. Виновата Система! А потом уже Сталин, Троцкий, кто-то другой. Но и Сталин – это однозначно – виновен. И те, кто его окружал, виноваты. Но коль Сталин стоял во главе, то и ответственности на нем, разумеется, больше.

Смерть Сталина я воспринял, скажу откровенно, двояко. В основном мне было жаль Светлану, его дочь. Она ведь – я это хорошо знал – и до этого была одиноким человеком, а после смерти Сталина жизнь ее и вовсе не заладилась. Внешне, конечно, и Хрущев, и Ворошилов, к примеру, ее опекали, на самом же деле эти люди прекрасно знали очень слабую психику Светланы и подталкивали ее к тому, что в конце концов и случилось...

О том, что произошло со Сталиным, я узнал от мамы, когда пришел домой пообедать. Обычно в это время приезжал и отец, но в тот день его не было. Мама сидела заплаканная и сразу же сказала мне, что у Иосифа Виссарионовича удар и, по всей вероятности, он не выживет.

– Ну а ты-то чего плачешь? – спросил. – Помнишь ведь, что отец говорил...

Речь шла о том, что готовил нам Сталин. Мама, разумеется, обо всем знала – отец действительно предупреждал нас о том, что может случиться.

– Знаешь, – ответила, – я все понимаю, но мне его все равно жаль – он ведь очень одинокий человек.

Я сел обедать, а мама поехала к Светлане. И о смерти Сталина, и о поведении его близких и соратников в те дни написано много, но в основном это пересказы или явные домыслы. Широко известно, скажем, что Светлана у кровати Сталина чуть ли не сутками сидела. Мы же знали, что она находилась дома и была совершенно спокойной. Я не хочу сказать, что она не любила отца, но это была отнюдь не та безумная любовь, о которой столько написано...

На похоронах Сталина я был, разумеется. Как всегда в подобных случаях, партийные органы дали разнарядку по организациям, а те уже выделяли людей. Но это, конечно же, не значит, что в противном случае я бы не пошел.

Тогда, в марте пятьдесят третьего, я не был уже тем мальчишкой из тбилисской школы, боготворящим вождя. Он многое знал и многое понимал. Сегодня могу сказать совершенно однозначно: проживи Сталин еще несколько лет, и в Президиуме ЦК не осталось бы никого из тех, кто пережил Сталина. Мой отец, разумеется, не исключение. Его уничтожение готовилось еще при жизни Сталина, о чем он и рассказывал нам с матерью.

Помню, уже после смерти Сталина, когда отец рассказывал маме, какие реформы предложил провести Хрущеву, Маленкову и другим, она сказала:

– Какая разница, сделал бы это Иосиф Виссарионович или они... Если бы он – было бы не так обидно.

Мама прекрасно знала сталинское окружение и не верила, что отцу позволят осуществить свои замыслы. Во всяком случае, никаких сомнений, что отца отстранят, у нее не было и тогда...

Вне всяких сомнений, смерть Сталина спасла жизнь его окружению. Он неизбежно заменил бы своих соратников совершенно новыми людьми, которые не знали бы всего того, что знали Молотов, Маленков, Хрущев и другие, включая, повторяю, моего отца. Убрал бы Сталин, вне всяких сомнений, и министра государственной безопасности Игнатьева. Сталин уже готовился войти в историю как абсолютно, я бы сказал, чистый человек, создавший великое государство, выигравший великую войну. Будем объективны: уходя, Сталин оставлял действительно великую страну, вполне обоснованно гордившуюся многими достижениями. Другой вопрос, какой ценой это было достигнуто...

Отец все это отлично понимал, но хотя и имел столкновения со Сталиным, как ни один другой член Политбюро, смерть главы государства его расстроила. Здесь не было, знаю, наигранный, как, скажем, у Хрущева. Думаю, смерть Сталина, несмотря ни на что, он переживал чисто по-человечески. Наверное, это звучит несколько странно в контексте того же «Мингрельского дела», но это так. Не был отец ни жестоким, ни злопамятным человеком. И об этом знали многие.

Из воспоминаний Светланы Аллилуевой:

«Только один человек вел себя почти неприлично – это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были – честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного

– отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть “самым верным, самым преданным” – каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.